

1. Свадебное путешествие в Италию и Модильяни, публикация “Вечера”, рождение сына, отъезд Гумилева в Африку, развод

ВВОД

В 1910 году вместе с Николаем мы отправились в наше свадебное путешествие в Париж, а их Парижа должны были поехать в Италию. Эта поездка стала для нас не просто трехмесячным отпуском, но и показала мне совсем другой мир, познакомила меня с людьми, ставшими навсегда частью моего сердца.

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.

Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...

Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

В Париже мы поселились на rue Bonaparte, 10. Ходили по музеям, посетили средневековое аббатство Клюни, Зоологический сад, сживали в любимых Гумилевым кафе Латинского квартала, были в ночных кабаре. В одном из кафе я обратила внимание на удивительно красивого и забавно одетого мужчину. Им оказался великий художник, Амадео Модильяни, после знакомства неустанно писавший мне письма. Он пригласил меня в свою студию.

СОБЫТИЕ МИР/СЛОВЕСКА

Дети - молодые французские и итальянские художники, Ахматова им позирует, среди детей есть организатор, постоянно ведущий с ними диалог о творчестве Ахматовой (почему она еще неизвестна), а ее браке, о связи с Модильяни (что о ней он отзывается особо). Дети и орг рисуют Ахматову. Через 4-5 минут подходит организатор и передает, что “Так вас видит Амадео”. Ахматова восхищается работой.

(Завязываем глаза, слушаем текст, начинаем словеску)

Амадео написал еще бесчисленное множество моих портретов, но этот так и остался любимым, я возила его с собой всюду.

В синеватом Париж тумане,

И наверно, опять Модильяни

Незаметно бродит за мной.

У него печальное свойство

Даже в сон мой вносить расстройство

И быть многих бедствий виной.

Но он мне — своей Египтянке...

Что играет старик на шарманке?

А под ней весь парижский гул.

Словно гул подземного моря, —

Этот тоже довольно горя

И стыда и лиха хлебнул.

Николай же в последнее время был хмур и молчалив, куда-то девалась вся его любовь и запал. Я старалась его не злить и не огорчать. Вечерами тихо писала стихи. Через неделю

мы должны были ехать в Рим и в Венецию. Каждый день мое самочувствие ухудшалось, у меня постоянно болела голова, наступала тошнота, я ничего не могла есть, особенно тяжело было утром. Я не могла решить, рассказывать ли это Николаю... Что делать?

1) Дети решают рассказать

Он сидел в кабинете и что-то писал в блокнот, я подошла и **положила руку ему на плечо**: “Коля, я должна сказать тебе кое-что. Я в последнее время чувствую себя неважно: тошнит, аппетита нет, все тело ломит”. Николай поглядел на меня изумленно. В ночи мы поехали в больницу.

Врач по приезде долго расспрашивал меня о самочувствии, **мерил температуру, смотрел горло, щупал, брал какие-то анализы, заставляли пить таблетки и микстуры**.

В конце концов он подошел к нам с Николаем и сказал “Анна, вы беременны”.

2) Дети решают не рассказывать

Я решила его не тревожить. Помявшись около его кабинета, где он что-то писал, склонившись над столом, я тихо ушла в спальню. Кое-как уснув, ночью я вскочила **от резкой боли** и тошноты. Николай крепко спал. Я сбежала вниз по лестнице, взяла первого извозчика и доехала до госпиталя. Выходя, я чиркнула записку Николаю, куда уехала.

Врач по приезде долго расспрашивал меня о самочувствии, **мерил температуру, смотрел горло, щупал, брал какие-то анализы, заставляли пить таблетки и микстуры**.

Я сидела в приемной и ждала, когда почувствовала **прикосновение чьих-то рук к плечам**.

Николай смотрел на меня с немым упреком, видимо, осуждал, что ничего не сказала ему.

Вышел доктор и сказал нам фразу, изменившую мою жизнь: “Анна, вы беременны”.

Николай был счастлив и взволнован, а я не могла найти слов. Вернувшись в дом, я весь вечер писала.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Недели шли, беременность протекала тяжело, словно болезнь. По ночам я просыпалась в **холодном поту**, казалось, что все это медленно меня убивает.

Одним утром Николай подошел и сказал, что нужно выдвигаться в Рим. Он сказал, что я могу поехать с ним, или же он поедет один, билеты уже были куплены, заядлый путешественник Гумилев не хотел их терять. Поэтому даже не предлагал мне вариант, где он остается со мной. Нужно было что-то решить и ответить ему.

1) Решают не ехать с ним

“Что ж, Анечка, это твой выбор. Я отправлюсь завтра утром, тебя же попрошу поехать к моей семье, там ты и наш ребенок будете в сохранности”. Он говорил как-то отрешенно, холодно. Меня как будто облили водой. До последнего я надеялась, что он никуда не уедет, не оставит меня одну в положении, но этого не произошло. Он уехал сначала в Италию, затем в Африку, я не видела его ужасно долго.

2) Решают поехать с ним

Следующим утром мы отправились в Рим. Моя поездка оказалась еще труднее, чем представлялась ранее, я чувствовала себя одиноко, Николай же вечно был занят, вечно в делах. Предоставленная сама себе, я изнывала от зноя и жары. Видя мои мучения, Коля отправил меня обратно, в Слепнёво, к своей семье. Но за мной он не поспешил, после Италии уехал в Африку.

Сегодня мне письма не принесли:

Забыл он написать или уехал;

Весна как трель серебряного смеха,

Качаются в заливе корабли.

Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,

Такой влюбленный, ласковый и мой,

Но это было белою зимой,

Теперь весна, и грусть весны отравна,

Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,

Как от предсмертной боли, бьется, бьется,

И страшно мне, что сердце разорвется,

Не допишу я этих нежных строк...

Он вернулся только к октябрю, когда родился наш сын Лев. Тогда я точно увидела, что он все еще меня любит, так взволнован он был и счастлив.

Загорелись иглы венчика

Вкруг безоблачного лба.

Ах! улыбчивого птенчика

Подарила мне судьба

Все время с самого начала нашего брака я не переставала писать, стихов этих накопилось великое множество, хватало на несколько сборников. Николай же мои стихи слышал еще в юности. Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Николай Степанович и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, например, танцами (говорил: "ты такая гибкая".) Что Николай не любил мои ранние стихи - это правда. Да и за что их можно было любить! Когда он был в Африке, я показывала разным нашим друзьям свои стихотворения и получала восторженные отзывы, а ему никак не решалась. Случай выдался, когда он вернулся из Аддис-Абебы. Красивый, загорелый, только зашедший в гостиную с чемоданом, он сидел на диване. Я мялась в дверях и не могла решиться с ним заговорить. Не знала, что же мне делать.

1) Решают показать

Я подседа к нему и аккуратно передала стопку листов. Он удивленно посмотрел и спросил: "Ты написала это пока меня не было?". "Да, и даже немного раньше". Он прочитал всего пару страниц и вздохнул. Мне казалось, сейчас он выскажет что-то неодобрительно-колкое, но он сразу сказал: "Ты - поэт, надо делать книгу".

2) Решают не показывать

Сил показать свои строки мне не хватило, я оставила записи на столике, а сама под села к нему, говорили о его произведениях, о путешествии, о друзьях и вестях. Под утро я отправилась спать. Проснувшись, я вышла в гостиную, Николай Степанович сидел спиной ко мне на кресле и перебирал страницы. Я ужаснулась, узнав в них свои стихотворения. Он услышал мои шаги, обернулся и сказал: "Ты - поэт, надо делать книгу"

Так появился мой сборник "Вечер", так я стала частью "Цэха поэтов", так он привел меня в "Бродячую собаку" на мое первое выступление.

ВЫВОД

В 1914 году Николай ушел добровольцем на войну, оставив меня вновь одну, а после войны уехал в Париж. Все его поездки в Италию, Африку, Францию, бесконечные путешествия истощали нас. Ему становилось все труднее мириться с тем, какую я обрела популярность. Когда он вернулся, все было уже predetermined, нам было пора освободить друг друга от этого бремени. Мы развелись, и я вышла замуж за Владимира Шилейко. Наш брак продлился 8 лет, но мы никогда не теряли друг друга. И до последних дней я остаюсь "вдовой Гумилева".

*И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных - огненный недуг!
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны филмиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.*